

одетую, высокого роста, превосходной красоты и стана величественного, держащую перед собою за руки двух обнаженных детей. Меньшой из них, видя, что мать его кричит и плачет, также кричал и плакал. Сестра, прелестная лицом, оцепенев от стужи, старалась одеть и при том закрывать юное свое и нежное тело своими непорочными руками. Несчастливая мать! Она, конечно, лишилась одного из детей своих: двух имела она при себе, однако плакала.

Меж тем старики, дети, воины, священники, богатые, бедные — все в куче, и толпа непрестанно умножается. Шумно переливалась она с одного конца площади на другой, как море, волнуемое ветрами. Входят в церковь св. Петра, выходят из нее, входят опять, торопятся, падают. Мимо меня четыре ратника пронесли на мечях, крестом сложенных, молодую девицу в обмороке: красавицу! Сияние пожара светилось на бледном ее челе; блистало в слезах, которые выкатились из глаз ее и остановились на щеках.

Но во всем этом страшном позорище всего более приводила меня в ужас тишина, в те минуты, как утихал ветер. Тогда со всех сторон были слышны прерываемые вздохи, глубокие стенания, визг пожирающего огня, треск беспрестанно почти падающих зданий, вопли матерей.

Наконец, сходя уже с площади, вдруг вижу в одном окошке Ватиканском, подле самого пламя (sic! — *К. Л.-Д.*) — крест, служителей жертвенника, архипастыря в священном облачении!

В одно мгновение воскликнули все и упали на колена; в одно мгновение архипастырь в воздухе окружается многими тысячами взоров, окропленных слезами и многими тысячами молитвенно простертых рук. Архипастырь возводит очи на небо и молится: народ преклоняет главы долу и молится... Вообразите себе, при таком глубоком и священном молчании, как бы согласный звук бури, пожара и гласов молитвы.

Как изобразить картину, которая в сию минуту представилась зрению?

На ступенях церковной лестницы мать, одна, удалившись, сжимала детские руки своего сына, стоящего возле нее на коленях, и умильно их складывала в знак молитвы. Позади их молодая девица с распущенными волосами, рыдающая, стоя поднимала к архипастырю от всего прискорбья своего (и, конечно, от всей своей любви) самую чувствительностию простираемые руки; в то же время у ног молодой этой девицы одна женщина, напротив того, сидела спиною к Ватикану и к архипастырю, не плакала, не молилась, смотрела на нас с видом удивления... И подлинно ее младенец играл на груди ее.

Меж тем архипастырь свершил молитву; встает: народ взирал на него с неописанным ожиданием.